ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АѲАНАСІѢ,

АРХІЕПИСКОПѢ КАЗАНСКОМЪ.

Въ началѣ января 1868 года скончался преосвященный Аѳанасій архіепископъ Казанскій. Я съ нимъ сблизился и жилъ при немъ 7 лѣтъ, когда онъ былъ епископомъ въ Томскѣ. Предлагаемыя читателю свѣдѣнія о немъ относятся преимущественно ко времени пребыванія его въ Томской епархіи.

Преосвященный Аѳанасій родился Костромской губерніи въ уѣздномъ городѣ Буѣ. Отецъ его Григорій Соколовъ былъ здѣсь пономаремъ, мать звали Еленой. Мірское имя ихъ сына было Андрей. Родители Андрея были очень бѣдные, и городъ Буй самый бѣдный, а приходъ бѣднѣе прочихъ. Они болѣе пропитывались своими трудами, нежели отъ церкви: мать ходила лѣтомъ наниматься у крестьянъ жать хлѣбъ, а отецъ—косить. Часто не имѣли куска хлѣба, но очень были благочестивы и богобоязливы, ибо каждую ночь вставали по нѣскольку разъ Богу молиться и что имѣли, пополамъ дѣлили съ нищими и бѣдными. Сынъ всегда со сладостію ихъ воспоминалъ и со слезами о нихъ разговаривалъ, особенно о матери, которая его вседушевно любила. Когда еще ему было 6 лѣтъ, весной было великое наводненіе отъ рѣки Костромы,

протекающей въ Буѣ; отрокъ Андрей пошелъ чрезъ рѣку по переходамъ, упалъ въ воду и потонулъ; видѣлъ его одинъ крестьянинъ, какъ онъ шелъ по перекладамъ, и сказалъ о несчастіи родителямъ; бросились искать его въ водѣ, нашли и вытащили безчувственнаго и откачали. Господь хранилъ сего отрока и предуготовлялъ его быть пастыремъ своей церкви. Когда ему было четыре года, стоялъ онъ у разлива воды, бывшаго посреди улицы. Подходитъ къ нему чиновникъ и спрашиваетъ: мальчикъ, что ты тутъ стоишь и смотришь?— Онъ ему отвѣтилъ: стою и смотрю на гусей. Чиновникъ: Что же нашелъ тутъ любопытнаго? — Мальчикъ: смотрю, что они бѣлы и я хочу быть бѣлъ, какъ эти гуси.— Чиновникъ посмотрѣлъ на него, головой покачалъ и сказалъ: «это будетъ великій философъ»,— и съ тѣхъ поръ внимательно слѣдилъ за судьбою отрока. Со временемъ изъ отрока вышелъ архіерей и когда этотъ архіерей проѣзжалъ свой родной городъ Буй, чиновникъ пошелъ его поздравить съ святительскимъ саномъ и разсказалъ ему описанный случай дѣтства его.

5-ти лѣтъ Андрей былъ выученъ родителемъ грамотѣ и потомъ самъ училъ мірскихъ мальчиковъ въ домѣ родителя и этимъ пособлялъ пропитываться своимъ домашнимъ; въ церкви вмѣсто отца читалъ и пѣлъ, а отецъ занимался крестьянскою работой. Съ 8-ми лѣтъ началъ Андрей проситься въ семинарію, но родители по бѣдности не могли его свезти, къ великому огорченію его. Однажды онъ пересматривалъ отцовскія бумаги, попалась ему греческая азбука и онъ былъ очень радъ этому и самъ выучился греческой азбукѣ. Когда ему было 10 лѣтъ, отецъ совсѣмъ было собрался везти его въ семинарію въ Кострому, но вечеромъ наканунѣ выѣзда пріѣхали родные звать отца его на свадьбу, и сколько Андрей ни плакалъ, его не слушали и отложили ѣхать въ Кострому до другаго дня, но протекло еще 2 года и

уже 12-ти лѣтъ отвезли его въ семинарію. О! какой радости исполнился тогда мальчикъ! Родитель, привезши его въ семинарію, вручилъ учителю. Учитель спросилъ отца: выучилъ ли ты сына своего чему нибудь дома?—Онъ отвѣтилъ: «я и самъ ничего не знаю, чему же я его научу, вы спросите его самого». Учитель началъ его экзаменовать; потомъ сказалъ его родителю: «благодарю, старикъ, сынъ твой будетъ человѣкъ, только молитесь о его здоровьѣ». Потомъ сказалъ своимъ ученикамъ: «вотъ вы сидите по 3 года, а мальчикъ Андрей Соколовъ только пріѣхалъ, а больше всѣхъ знаетъ». Потомъ опять обратился къ отцу: благодарю, благодарю, старикъ, что позаботился о сынѣ.—Старикъ отвѣтилъ: «батютка, я право самъ ничего не знаю, а онъ всё самъ копался въ бумагахъ». Поступилъ Андрей въ семинарію 12-ти лѣтъ, въ 1812 году.

Онъ продолжалъ ученіе свое съ большимъ успѣхомъ, такъ что всѣ наставники удивлялись ему и признавали его превосходство передъ всѣми товарищами его. Но много еще ему препятствовала бѣдность, ему не на что было купить свѣчъ, бумаги, чернилъ, перьевъ и сургучу. Бывало, говоритъ, товарищи обѣдать, а я къ присутственнымъ мѣстамъ, гдѣ выбрасывали соръ, и выбираешь тамъ лоскутки бумаги, старыя перья и конверты, а кто нибудь дастъ грошъ на свѣчу; такъ-то я учился въ семинаріи. Бывало какъ отпустятъ насъ къ празднику Рождества Христова, бѣжишь въ однихъ сапогахъ безъ чулокъ, а пальцы наружу, въ одномъ кафтанѣ безъ шубы, на головѣ кожаный картузъ, а морозъ 30 градус.; бывало весь побѣлѣешь и начнешь снѣгомъ оттираться. Всего натерпѣлся. Однажды мы ѣхали домой, вчетверомъ, на одной лошади, ѣхали всю ночь и крайне устали и перезябли. Добравшись до ночлега, бросились всѣ на печь, а изба сдѣлана почерному и мы всѣ въ теплѣ уснули крѣпко. Утромъ хозяева затопили печь, а про насъ и забыли, что мы на печи;

потомъ когда пришла пора ѣхать, вспомнили насъ, а мы всѣ угорѣли и были безъ чувствъ; вытащили насъ на дворъ, на снѣгъ, начали оттирать снѣгомъ, а мы все ничего не чувствуемъ; наконецъ показались признаки жизни и насъ втащили опять въ избу, положивъ среди пола на солому; тутъ-то мы пришли въ себя и замѣтили, что лежимъ всѣ голые въ снѣгу; тутъ опять ночевали, а домой привезли больныхъ.— Вотъ уже дважды Господь спасалъ отъ напрасныя смерти будущаго пастыря церкви.

Мать бывало,— вспоминалъ онъ,— говоритъ: учись, Андрюша, какъ хочешь; на насъ не надѣйся; а не будешь учиться, то готовься подъ красную шапку, т. е. въ солдаты. Бывало надобно отправляться въ семинарію, а мать плакать, что нечего дать на дорогу, бѣгаетъ, бѣгаетъ, никто не даетъ; схватитъ свой кокошникъ и заложитъ; принесетъ 70 к. асиг. и скажетъ: «вотъ, Андрюша, заложила послѣдній кокошникъ, да надобно кринку масла отдать въ придачу». Однажды позвали насъ въ консисторію сказывать стихи. Когда я началъ говорить, протоіерей каѳедральный, старикъ, ласково взглянулъ на меня и сказалъ: ты, Соколовъ, будешь архіерей. Это слово такъ меня поразило, что полились слезы изъ глазъ. Успѣхи мои сдѣлались извѣстны въ моемъ родномъ городѣ. Придешь домой на вакацію, а мать говоритъ: «Андрюша, что это меня стали очень уважать и почитать бѣдную пономарскую жену; начали звать въ гости и протопопицы и не знаютъ гдѣ меня посадить. Это видно чрезъ тебя, что ты хорошо учишься, и всѣ готовятъ тебѣ невѣстъ. Вотъ Елена въ какую попала честь». Между тѣмъ я началъ заниматься домашнимъ учительствомъ и на добытыя деньги посылалъ родительницѣ гостинцы; она каждый гостинецъ омочала слезами.

Обучалъ я одного нѣмца читать и говорить по русски. Его жена и свояченица хотѣли иногда со мною пошутить, какъ съ

молодымъ студентомъ; но я никогда не обращалъ вниманія на нихъ. Онѣ начнутъ браниться: это монахъ нелюдимый. Нѣмецъ скажетъ: «Глупыя, это не только монахъ, но и архіерей будетъ»; а я все это слагалъ въ сердцѣ своемъ.

Ректоромъ семинаріи тогда былъ архимандритъ Макарій, послѣ бывшій начальникъ Алтайской миссіи, въ епархіи своего ученика епископа Аѳанасія, бывшаго Андрея Соколова. Этотъ ректоръ назначилъ Андрея Соколова въ СПб.етербургскую академію, не спросивъ о его согласіи,—вдругъ нечаянно ему объявили, чтобы собирался скорѣй въ дорогу въ Академію. Соколовъ испугался, однако противиться власти не сталъ, видя въ этомъ волю Божію, и въ Академіи благополучно кончилъ курсъ наукъ. Потомъ пожелалъ въ монахи и испросилъ на это благословенія отъ родителей. Въ монашествѣ онъ переименованъ Аѳанасіемъ. Потомъ проходилъ должность баккалавра въ С. П. Акидеміи, профессора, инспектора и ректора во многихъ семинаріяхъ: въ Псковѣ, Харьковѣ, Черниговѣ, Твери и наконецъ былъ ректоромъ въ С.-Петербургской семинаріи, а въ 1841 г. посвященъ въ Епископа Томскаго и Енисейскаго.

Когда оберъ-прокуроръ графъ Протасовъ пріѣхалъ объявить мнѣ о назначеніи въ архіереи, тогда я, говоритъ, перекрестился и сказалъ: «буди воля Господня надо мной; какъ тебѣ Господи угодно, тако да будетъ, только одного прошу: дай мнѣ любити паству, мнѣ назначенную». Услышалъ меня Господь, и доднесь такъ люблю свою паству, что и выразить не могу.

Родитель не видалъ его уже епископомъ, а только архимандритомъ; но родительница раба Божія Елена сподобилась его встрѣтить епископомъ, ибо онъ проѣздомъ въ Томскъ заѣзжалъ въ свой городъ Буй и погостилъ нѣсколько дней у своей родительницы, жившей у зятя, протоіерея Буйскаго, съ внучатами. Кромѣ сестры, бывшей въ замужествѣ за этимъ про-

тоіереемъ, преосв. Аѳанасій имѣлъ еще брата Никанора Соколова, который, по окончаніи курса, вышелъ въ свѣтское званіе и женился на дворянкѣ и живетъ въ помѣстьѣ. Родительница, проводивши своего сына архіерея въ Томскъ, уже не видала его болѣе; но на смертномъ одрѣ она была утѣшена извѣстіемъ, что сынъ ея преосвященный Аѳанасій Томскій получилъ отъ Царя награжденіе орденомъ Святыя Анны 1-й степени: она перекрестилась, заплакала, и скончалась.

Преосвященный Аѳанасій трудился въ Томской епархіи 12 лѣтъ съ половиною, оставя по себѣ вѣчную память, ибо въ теченіи 12-ти лѣтъ открылъ 85 приходовъ съ новыми церквами вновь, а о 20 церквахъ тоже съ новымм приходами заведено дѣло. Онъ каждую недѣлю служилъ и ни одного праздника и табели не пропускалъ безъ службы. Каждую литургію говорилъ проповѣдь безъ приготовленія и говорилъ со слезами, всѣхъ до единаго заставитъ плакать; а когда идетъ бывало изъ церкви, то всѣхъ благословляетъ, большихъ и малыхъ, и очень любилъ за литургіей причащать дѣтей,—это первое его утѣшеніе. Каждому былъ доступенъ; съ малымъ и великимъ, богатымъ и бѣднымъ входилъ въ разговоръ; былъ совершенный безсребреникъ и милостивъ безмѣрно, никогда бывало не заведетъ у себя денегъ, безпощадно ихъ раздаетъ, очень нуждающимся по 100 руб. сер. давалъ. Весьма любилъ собирать книги и имѣлъ большую библіотеку; когда мы отправляли ихъ въ Иркутскъ, то всего вышло 145 пудовъ вѣсу. Даже тѣхъ людей любилъ, кто любилъ книги. Въ церквахъ по своей епархіи собралъ великія библіотеки, ибо принуждалъ всѣхъ священниковъ выписывать книги. Онъ обогатилъ почти всѣ церкви вкладами, серебряными окладами, церковною утварью, облаченіемъ и колоколами. До него церкви въ Томской епархіи были самыя скудныя, но какъ его всѣ очень любили, то ни въ чемъ ему не отказывали; бывало скажетъ

прихожанамъ: надо бы вамъ такіе-то колокола или ризы, или иное что,— и смотришь — черезъ 3 мѣсяца все готово; его слово было законъ, что сказалъ, то и будетъ. Даже самые раскольники его очень любили. Онъ поставилъ 6 церквей единовѣрческихъ. Когда первый разъ объѣзжалъ епархію по мѣстамъ самымъ глухимъ, то раскольники всѣ изъ деревень разбѣжались: «вотъ, батюшки, послѣднее время, уже и къ намъ антихристъ ѣдетъ»,— такъ они величали Христова пастыря. Но онъ ихъ побѣдилъ такъ, что они послѣ сами раскаивались и лежали у него въ ногахъ, прося прощенія и благословенія.

Какъ же онъ могъ привлечь общее расположеніе къ себѣ? Своимъ смиреніемъ и любовью и ласковымъ обхожденіемъ, ибо онъ въ проѣздъ по епархіи въ каждомъ селѣ служилъ всенощную и литургію; на всенощной читалъ житія св. отецъ по Четіи-менеѣ и съ объясненіемъ,— онъ всѣ Четіи-минеи перевелъ на русскій языкъ,— а на литургіи всегда говорилъ проповѣдь и во время проповѣди самъ бывало плачетъ, а народъ больше его плачетъ и даже кричатъ: «вотъ Богъ какого намъ послалъ пастыря; бывало только слышимъ, что есть какіе-то архіереи, а теперь мы батюшку нашего видимъ и съ нимъ разговариваемъ». Гдѣ на дорогѣ случится деревня, то подъѣзжая къ ней, самъ выйдетъ изъ кареты и идетъ пѣшій и благословляетъ народъ и со всѣми разговариваетъ и обо всемъ разспрашиваетъ; пришедши на средину деревни, скажетъ: «выносите изъ домовъ иконы сюда ко мнѣ, я вамъ отслужу молебенъ съ водосвятіемъ». Народъ отвѣчаетъ: «батюшка, ваше владычество, у насъ иконъ нѣтъ писаныхъ, а все маленькія мѣдныя». Владыка скажетъ: «какія есть, выносите всѣ». Всѣ вынесутъ и станутъ въ кругъ, а Владыка отслужитъ молебенъ и освятитъ воду и всѣхъ жителей покропитъ. Видя это въ первый разъ и слыша при этомъ еще пѣвчихъ, они бывали внѣ се-

бя отъ радости, а Владыка съ ними разговариваетъ и спроситъ: «далеко ли отъ васъ церковь и часто ли бываете въ ней». Они отвѣтятъ: «Ваше владычество, до церкви-то 150 верстъ, да мы никогда въ ней и не бываемъ». Владыка: «вы бы свою выстроили, это для васъ было бы лучше, у васъ бы была своя церковь и свой священникъ и къ вамъ стали бы ѣздить другіе и ваше бы селеніе была не деревня, но село, это бы для васъ была большая честь». Они отвѣтятъ: «ваше владычество! это бы хорошо, да этого не возможно сдѣлать: мы люди бѣдные, да неученые, церковь поставить не бездѣлица». Владыка: «какъ-нибудь вамъ Богъ поможетъ; пріѣзжайте въ Томскъ, я вамъ дамъ сборную книгу и добрые люди вамъ помогутъ». Что же? мужички сибиряки согласятся и скажутъ: «ну, ваше владычество, мы васъ, такого ангела, не прогнѣваемъ, вашъ совѣтъ добрый какъ-нибудь исполнимъ». Что же? чрезъ годъ владыку приглашаютъ на освященіе церкви. Владыка спроситъ: «развѣ уже готова? Они отвѣтятъ: посмотри-ка, владыко, за ваши святыя молитвы и за благословеніе, выстроили какую, словно невѣста прекрасная, иконостасъ вызолотили и колоколовъ накупили»,— и владыка радуется и всегда освящать ѣздилъ самъ.

Эти сибиряки бывало говорятъ раскольникамъ: «куда вы глупые, разбѣжались и чего устрашились,— это къ намъ пріѣхалъ не человѣкъ, а ангелъ». И вотъ тѣ, которые бѣгали, очень бывало сожалѣютъ о томъ и ежели на другой годъ архіерей поѣдетъ, то уже первые выбѣгутъ встрѣчать и сами признаются, что они противъ него прегрѣшили. А если въ которой деревнѣ есть учитель раскольническій, то сами они его приведутъ ко Владыкѣ и скажутъ: «вотъ, ваше владычество, этотъ-то все насъ и сбиваетъ, не велитъ намъ ходить въ церковь». А владыка имѣлъ даръ слова необыкновенный: съ двухъ словъ заградитъ уста его; тотъ замолчитъ, а му-

жички всѣ закричатъ: «Эй, дядя Иванъ, это видно не съ нами глупыми говорить: теперь видимъ, что ты ничего не знаешь; да можешь ли ты, простецъ, и говорить съ Христовымъ святителемъ». Это очень радовало владыку, ибо до него всѣ эти люди писались раскольниками и въ самомъ Томскѣ, въ Пасху, болѣе десяти человѣкъ въ церкви не бывало, а при немъ почти ни одного раскольника не осталось, каждое воскресенье полны всѣ церкви народа. Первый томскій епископъ Агапитъ мало что успѣлъ; человѣкъ онъ былъ болѣзненный, ни съ кѣмъ не занимался и по епархіи ѣздилъ очень мало. Съ начала и Аѳанасія боялись и бѣгали изъ деревень въ лѣса, но послѣ такъ его полюбили, что каждый за счастіе почиталъ принять отъ него благословеніе. Когда онъ ѣздилъ по епархіи, то старались узнавать гдѣ онъ поѣдетъ и на ту дорогу изъ стороны верстъ за 100 выѣзжали принять благословеніе съ женами и дѣтьми. Самъ владыка разсказывалъ: «бывало ѣдешь по пустынѣ и по степи; вдругъ толпа народу, спросишь: что это за люди? они скажутъ, что выѣхали верстъ за 100 только принять отъ него благословленіе». Владыка мимо толпы никогда не проѣдетъ, но остановится, выйдетъ изъ экипажа и всѣхъ благословитъ, со всѣми поговоритъ. Этимъ самымъ привлекъ сердца. До того его любила паства, что имя Аѳанасія для каждаго было дорого, и за глаза не звали его иначе какъ *батюшка нашъ владыка*.

Въ Томскѣ, въ домовой своей церкви, каждое воскресенье и праздникъ выходилъ на литію и величаніе и во всѣ праздники самъ помазывалъ масломъ отъ лампады праздника; а между каѳизмъ самъ читалъ житіе святаго, или какое слово праздничное, ходило столько народа, что не только не могла вмѣстить церковь, но и залъ и паперть не вмѣщали. На литургіи всегда говорилъ проповѣди безъ приготовленія и очень хорошо объяснялъ тексты священнаго Писанія. Еван-

гелія, Апостола, Пророчествъ и Псалмовъ,— такъ что я подобнаго въ жизни не слыхалъ и не читалъ. Произношеніе у него было явственное, выразительное и громогласное, говорилъ всегда со слезами, очень уже слезливъ. Я прежде не такъ-то любилъ нынѣшнихъ проповѣдниковъ, и пользы никогда отъ нихъ не получалъ; но Аѳанасія 7 лѣтъ не могъ насытиться, хотя онъ и безпрестанно говорилъ. Онъ всю Библію зналъ на память и очень любилъ самъ пѣть,— это первое его утѣшеніе было. Воскресные антифоны самъ съ діаконами пѣлъ, другой разъ пѣвчіе на хорахъ. Вотъ къ какому пастырю Господь меня послалъ; потерпѣлъ я много скорбей, но живя при немъ, до преизбытка былъ утѣшенъ. Только о томъ много я сожалѣлъ, что онъ своихъ проповѣдей не пишетъ, и это все придетъ въ забвеніе; впрочемъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, что нибудь останется. Когда бывало начнетъ онъ меня хвалить за то, что я описалъ свои странствія и путешествія, я скажу: «владыка святой! я хотя и неученый, невѣжда, но все же какъ нибудь да написалъ; а тебя намъ чѣмъ будетъ помянуть? Мужъ ты ученый и Богъ тебѣ далъ великіе таланты, но ты ничего намъ не оставишь; какъ хочешь владыка, а Богъ съ тебя взыщетъ за сокрытіе талантовъ». Онъ же, выслушавъ сіе, скажетъ: «отецъ Парѳеній! когда и Аеанасій помретъ, то что нибудь найдутъ послѣ него»; и это меня немного утѣшало; а точно, у него рукописей воза два есть. Когда спросишь: «что это, владыка, у васъ за рукописи»? онъ отвѣтитъ: «все мои бывшіе переводы».

Замѣчательно, что онъ очень мало спалъ, иногда цѣлую недѣлю бывало не спитъ, такъ что начнетъ ему дѣлаться дурно; но чѣмъ онъ занимался по ночамъ — ему только извѣстно; я жилъ подъ его спальнею, и то не могъ узнать. Первую недѣлю Великаго поста самъ бывало читаетъ всю службу, ничего не ѣстъ, развѣ немного холодной воды выпьетъ,

а послѣ преждеосвященной съѣстъ просфору и запьетъ теплой водой. По субботамъ и воскресеньямъ служилъ въ соборѣ и самъ причащалъ всѣхъ до одного — человѣкъ сотъ по пяти. Также и въ Страстную недѣлю самъ прочитаетъ въ три дня всѣхъ 4-хъ евангелистовъ, и ежедневно самъ служитъ литургіи. Также и въ пасхальную недѣлю ежедневно служилъ по разнымъ приходскимъ церквамъ и каждую литургію говорилъ проповѣди. Во всѣхъ крестныхъ ходахъ и при встрѣчѣ иконъ всегда самъ присутствовалъ: ни грязи, ни морозы его не останавливали. 27 мая 1850 года, онъ встрѣтилъ чудотворную икону, приносимую изъ села Спасскаго за 18 верстъ, икону Спаса Нерукотвореннаго, и послѣ встрѣчи служилъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ. Послѣ обѣдни пришелъ на закуску къ отцу архимандриту Виктору, настоятелю монастыря, и только хотѣли чай пить, какъ приходитъ почтмейстеръ Михаилъ Матвѣевичъ. Владыка вынимаетъ изъ кармана просфору и даетъ, говоря: «вотъ вамъ, Мих. Матв., просфора;» почтмейстеръ, принявъ просфору, вынимаетъ изъ кармана посылку и даетъ владыкѣ, говоря: «владыка святый, пріими же и ты отъ меня просфору.» Владыка, принявъ, посмотрѣлъ, поцѣловалъ и заплакалъ; и сейчасъ же пошелъ въ церковь, примолвивъ: «идите со мною всѣ пѣть благодарный молебенъ.» Это онъ получилъ отъ Царя орденъ св. Владиміра 2-й степени. Послѣ молебна всѣ возвратились къ архимандриту, тутъ сказалъ онъ: «когда Христосъ Спаситель меня утѣшилъ такою царскою милостію, то я всѣ три иконы, принесенныя въ Томскъ, провожу до мѣста». Такъ и сдѣлалъ. 23-го іюня, прямо послѣ литургіи пошелъ провожать икону Божіей Матери на рѣку Обь, въ село Богородское, за 60 верстъ; все шелъ пѣшкомъ въ митрѣ и въ мантіи, несмотря на проливной дождь; послѣ литургіи 12 верстъ отойдя, въ деревнѣ Зерцалахъ пилъ чай и обѣдалъ. Потомъ

шелъ 13 верстъ и ночевать пришелъ въ село Нелюбино. Здѣсь пришедши прямо въ церковь, началъ всенощную, а по утру литургію служилъ и говорилъ проповѣдь. Послѣ литургіи прямо изъ церкви въ путь, а дождь не перестаетъ лить. 15 верстъ отойдя, среди бора обѣдалъ; потомъ прошелъ еще 20 верстъ и переправившись чрезъ р. Обь, въ село Богородское, прямо вступилъ въ церковь и началъ всенощную, а по утру служилъ литургію и говорилъ проповѣдь. Немного закусивъ, поѣхалъ обратно домой на коняхъ. До того бывало устанетъ, что людей не узнаетъ. Однако, слава Богу, всѣ три иконы проводилъ до мѣста: двѣ изъ нихъ — Спасителя, за 18 верстъ, до села Спасскаго, и икону Николая чудотворца до села Семилужнаго за 30 верстъ. Вотъ и прошла у нашего владыки радость, теперь наступаютъ скорби и скорби великія, такъ что едва перенесъ, — чуть жизни не лишился.

Пріѣхавъ въ Томскъ, онъ нашелъ необходимымъ строить новый соборъ, потому что въ Томскѣ ветхій Троицкій соборъ деревянный давно уже сломанъ, и на время обращена въ соборъ приходская Благовѣщенская церковь; но она была очень тѣсна. Въ одно время, служа литургію въ соборѣ, преосвященный сказалъ въ проповѣди, что для города необходимъ новый соборъ, и просилъ у всѣхъ помощи. Потомъ приказалъ подать блюдо, снялъ съ головы свою митру и пожертвовалъ на соборъ. Потомъ снялъ съ шеи часы золотые въ 300 р. с., и положилъ на соборъ. Тутъ же еще положилъ всѣ свои деньги 1.500 р. с. и сказалъ: «вотъ, православные, что я имѣлъ у себя, все пожертвовалъ на соборъ вамъ; теперь вы должны жертвовать каждый по своей силѣ.»

Пожертвованія полились обильно; кто далъ милліонъ кирпича, кто тысячу пудовъ желѣза, кто десять тысячь сер. денегъ. Вскорѣ избрали мѣсто и заложили соборъ огромный, только не знаю въ которомъ году, потому что это было еще

до моего пріѣзда. Строили его 6 или 7 лѣтъ и надѣялись въ 1850 году совсѣмъ окончить и уже начали забивать послѣдніе кирпичи. Владыка ежедневно ѣздилъ любоваться на соборъ. 1850 года іюля 25, я былъ со владыкою на самомъ куполѣ. Владыка пошелъ съ верху прежде меня, а я остался на куполѣ; вдругъ пришелъ мнѣ помыслъ: «а что ежели, помилуй Богъ, соборъ упадетъ, тогда и костей-то не соберешь», — и я такъ испугался, что бѣгомъ побѣжалъ внизъ, догналъ владыку на сходахъ,— онъ спросилъ: «что ты бѣжишь»? Я сказалъ: «какой-то страхъ напалъ.» Онъ еще спросилъ: «неужели соборъ опасенъ»? Я сказалъ: «очень опасенъ, такъ что я всегда боюсь на него лазить, только изъ уваженія къ вамъ слѣдую за вами». Онъ спросилъ: «что же ты находишь опаснаго»? Я сказалъ: «владыка святый! скажу откровенно: крѣпкаго-то ничего не нахожу; посмотри-ка ты на право, что это такое»? Онъ остановился и посмотрѣвъ, сказалъ: «а давно ли эта щель и велика ли»? Я сказалъ: «какъ соборъ дѣлаютъ, такъ и щель эта; она съ самаго фундамента и до самаго купола». Онъ сказалъ: «буди воля Божія, что будетъ— увидимъ».

26 іюля благовѣстили ко всенощной, ибо 27 ч. царскій день. Мы со владыкою сидимъ на крыльцѣ и смотримъ на соборъ, какъ мастера лазятъ по куполу и забиваютъ послѣдніе кирпичи. Владыка говоритъ: «вотъ отецъ Парѳеній, какъ бы не всенощная, мы поѣхали бы на соборъ». Потомъ пошли въ церковь; я во-внутрь, а онъ остался слушать въ залѣ. Еще не начали читать шестопсалміе, какъ загрѣмѣло что-то. Мы подумали, что громъ. Келейники сидѣли на кухнѣ и сказали другъ другу: что это такое, что земля задрожала, не соборъ ли упалъ. Выбѣжали вонъ — смотрятъ, а уже собора нѣтъ. Келейникъ заплакалъ и говоритъ: «какъ я теперь доложу владыкѣ,—я убью его этимъ словомъ, онъ не вынесетъ»; однако

подошелъ ко владыкѣ. Владыка: «что ты, Филиппъ, весь измѣнился»? Онъ сказалъ: «ничего, владыко; что-то очень стукнуло на соборѣ». Владыка скоро побѣжалъ чрезъ залъ на крыльцо, — взглянулъ, а собора уже нѣтъ; закричалъ: «Филиппъ, Филиппъ, соборъ упалъ, подай скорѣй холодной воды»; а Филиппъ прежде еще припасъ ее. Владыка немного охладился, перекрестился и сказалъ: «Господи, буди воля твоя, только очень жаль народа, мастеровъ.» Потомъ подошелъ къ церковнымъ дверямъ и стукнулъ въ нихъ. Экономъ сей-часъ изъ алтаря къ нему подошелъ. Владыка тихонько сказалъ: «соборъ упалъ, скажи отцу Парѳенію.» Я всегда стоялъ у заднихъ дверей, какъ странникъ. Экономъ тотъ-часъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ: соборъ упалъ. Я, услышавъ, побѣжалъ — смотрю, собора уже нѣтъ, только пыль столбомъ. Я было бросился въ залъ, подумавъ, неслучилось ли чего съ владыкой. Онъ мнѣ навстрѣчу и сказалъ: «ступай къ собору, а я велѣлъ коней закладывать.» Я побѣжалъ къ собору. Прибѣжалъ, уже около него тысячи народа; однако боятся близко подходить, потому что все еще валятся стѣны и лѣса. Я спросилъ: «а мастеровъ видно всѣхъ задавило»? Мнѣ сказали: «много народа задавило, только не знаемъ, мастера попали ли туда». Я побѣжалъ кругомъ и, увидѣвъ одного мастера, спросилъ: всѣ ли вы живы? Онъ сказалъ: «мы, слава Богу, всѣ живы, только что слѣзли и хотѣли садиться ужинать, и какъ загрѣмѣло, мы всѣ сдѣлались внѣ себя; а много должно быть задавило зрителей, ибо, когда мы слѣзали, народъ все восходилъ къ верху». Я сказалъ: «слава Богу, что вы всѣ живы остались; по крайней мѣрѣ владыкѣ будетъ полегче». Потомъ пріѣхалъ и владыка и весь городъ сбѣжался оплакивать разрушеніе своего собора. Владыка объѣхалъ кругомъ; увидя меня, спросилъ: «что, мастеровъ всѣхъ что-ли задавило»? Я сказалъ: «слава Богу, ни одного не задавило, всѣ живы». Онъ

поѣхалъ домой. Задавило 6-ть человѣкъ, всѣ разночинцевъ-зрителей: одного консисторскаго столоначальника, который только-что кончилъ протоколъ на кладбищенскую церковь, и побѣжалъ было полюбоваться на соборъ, но тутъ и погибъ. Соборъ и до нынѣ стоитъ въ развалинахъ и много было владыкѣ скорби, такъ что онъ едва это перенесъ, и здоровья своего много утратилъ; бывало скажетъ: «отецъ Парѳеній, берегись поминать мнѣ про соборъ, онъ очень тяжекъ для меня».

Другая скорбь была владыкѣ: прислали въ Томскую консисторію секретаря, злонамѣреннаго и недоброжелательнаго человѣка, который затягался со владыкой и консисторіей; даже высушилъ владыку и замучилъ его бумагами. Чрезъ него владыка два года не ѣздилъ по епархіи. Эти скорби угнетали его 3 года, пока секретарь не былъ уволенъ, и много у него унесли здоровья.

Церковныя службы владыка совершалъ очень великолѣпно и благоговѣйно, читалъ велегласно, съ умиленіемъ. Нрава былъ простосердечнаго, безъ хитрости. Трижды въ годъ самъ раздавалъ милостыню нищимъ, только возьметъ бывало меня и келейника для порядка: въ Рождество Христово, въ свои имянины 18 января, и на Пасху. Каждый разъ раздавалъ по 150 рублей сер., а на свои нужды часто занималъ денегъ,—безсребренникъ былъ. Принималъ къ себѣ каждаго; доклада не дожидался и почти ему не нуженъ былъ и келейникъ; только кто стукнетъ дверью, онъ и выбѣгаетъ встрѣчать; а ежели дверь заперта, то самъ отопретъ, приметъ и распроситъ; такъ что кто его не видалъ, то и не узнаютъ бывало, что это архіерей. Въ гости пригласятъ, никогда не откажется. Въ великіе праздники ко всѣмъ ѣздилъ съ визитомъ, но ни у кого долго не сидѣлъ, напитковъ дорогихъ не терпѣлъ; дома пищу употреблялъ самую простую, соусовъ, жаркихъ и пиро-

говъ почти никогда небывало на его столѣ, только развѣ для гостей, когда пригласитъ кого къ себѣ обѣдать. Въ домѣ большой чистоты и убранства у него не было, а все какая-то простота христіанская. Былъ весьма трудолюбивъ; чуть дѣла нѣтъ лѣтомъ, идетъ въ садъ съ келейниками, самъ землю копаетъ, траву полетъ, сучья обрубаетъ,—иногда до изнеможенія устанетъ. Устроилъ прекрасный садъ и насадилъ множество разнаго рода деревъ; среди сада сдѣлалъ гору, гдѣ мы съ нимъ часто сиживали, а наипаче вечерами; выкопалъ два озера и напустилъ много карасей. Онъ очень любилъ граматныхъ, самъ своимъ штатнымъ служителямъ давалъ уроки,—задастъ урокъ и назначитъ время выучить. Если выучите къ этому времени, то вотъ вамъ по рублю сер. Что же,—ночи бѣдные не спятъ, и выучатъ. Онъ вмѣсто рубля—дастъ полтора. Всѣ штатные—дѣти и жены выучились грамотѣ. Любилъ очень дарить книгами и иконами,—спроситъ: «знаешь ли грамотѣ»? Кто знаетъ, тому и книгу подаритъ. Мнѣ книгъ надарилъ рублей на 300 серебромъ.

Наконецъ дождались 1854 года, который принесъ намъ обоимъ много перемѣнъ въ жизни; много мы въ этотъ годъ пролили слезъ и много утѣшены, даже до преисполненія. 18 января, на свои имянины, владыка съ вечера служилъ всенощную святителю Аѳанасію Александрійскому,—служилъ, по обычаю, съ двумя архимандритами, двумя протопопами и двумя іеромонахами и полнымъ хоромъ пѣвчихъ,—торжественно; отъ народа тѣснота необыкновенная; я стоялъ съ пѣвчими на хорахъ и кое-что имъ указывалъ, ибо пѣвчіе мнѣ были всѣ—какъ родныя дѣти; я ихъ любилъ, а они меня еще больше. Владыка всю всенощную служилъ со слезами: пѣвчіе говорятъ: «что-то нынче очень расплакался владыка». И я этому не мало удивлялся,—въ имянины надо быть веселому, а онъ плачетъ. Послѣ всенощной, по обычаю, позвалъ меня ужинать и эко-

номъ съ нами. Владыка ничего не ѣстъ, безпрестанно воздыхаетъ и ничего не говоритъ, о причинѣ же не догадывались. Послѣ ужина владыка позвалъ меня въ залъ и долго со мной говорилъ. Потомъ на прощаньѣ благословилъ меня и очень крѣпко пожалъ мою руку. Но я все это принялъ запросто. Проводилъ меня до лѣстницы и сказалъ: «прости, прости, отецъ Парѳеній, да постоимъ еще здѣсь и поговоримъ со мной». Еще простояли съ часъ. Я вижу, что онъ весь не свой, то сдѣлается очень грустенъ, то какъ бы перемогается. Я подумалъ, что владыка не здоровъ чѣмъ нибудь. Поутру началъ служить торжественную литургію, и всю литургію такъ плакалъ, что едва могъ говорить возгласы; всѣ недоумѣвали, что это значитъ. Проповѣдь говорилъ о томъ, какъ на свѣтѣ все превратно и непостоянно, и самая дружба и любовь сколько при разлукѣ приносятъ скорби и печали. И впродолженіи всей проповѣди такъ плакалъ, что едва могъ выговаривать слова. Но народъ такъ растрогалъ, что въ церкви раздавались плачъ и рыданіе. Послѣ литургіи съѣхалось со всего города духовенство и начали соборный молебенъ святителю Аѳанасію Александрійскому. Владыка въ мантіи и клобукѣ стоялъ въ алтарѣ. Но когда начали оканчивать молебенъ, онъ потребовалъ митру и омофоръ, вышелъ въ Царскія врата, сталъ на своемъ мѣстѣ и приказалъ звонить къ другому молебну; владыка приказалъ начать молебенъ Святителю Иннокентію Иркутскому. Всѣхъ удивило, для чего это владыка служилъ другой молебенъ, чего никогда небывало. Иные говорили: видно владыкѣ былъ сонъ какой нибудь. Послѣ молебна всѣ пошли на закуску. Было болѣе 200 человѣкъ и все значительные люди; всѣ поздравляли его со днемъ ангела. Женщинъ не было,—онъ непринималъ ихъ въ торжественные дни. Послѣ закуски человѣкъ 80 близкихъ людей и всѣхъ священниковъ оставилъ обѣдать; весь обѣдъ былъ веселый

и радостный, потому что владыку всѣ сердечно любили. Послѣ обѣда подали шампанское за здравіе владыки. Но у владыки полились изъ глазъ слезы и онъ, вынувъ изъ запазухи письмо, отдалъ стоявшему близь него своему другу Сергѣю Петровичу Соколову, смотрителю почтамта, сказавъ прерывающимся голосомъ: «вотъ друзья мои, послѣдовала въ жизни и обстоятельствахъ нашихъ перемѣна и наступила всегдашняя разлука»,—и зарыдавъ побѣжалъ въ спальню. Соколовъ началъ читать бумагу, возвѣщавшую, что преосвященный Аѳанасій Томскій переводится въ Иркутскъ въ архіепископы. Это поразило всѣхъ присутствующихъ, забыли про шампанское: раздался въ залѣ плачъ и рыданіе. Всѣ поѣхали по домамъ съ заплаканными глазами, и въ одинъ часъ слухъ о переводѣ владыки облетѣлъ по всему Томску. Въ каждомъ домѣ плачутъ какъ по родномъ мертвецѣ, говорятъ: «неужели мы разлучаемся съ нашимъ батюшкою; неужели онъ насъ оставляетъ; неужели мы не будемъ слышать его медоточныхъ словесъ»? На другой день я пошелъ къ своимъ знакомымъ, они сдѣлались даже нездоровы оттого, что всю ночь проплакали. Въ Томскѣ прожилъ владыка еще, отъ 18 января по 17 марта. Въ это время пріемная его ежедневно была полна приходившими прощаться съ нимъ; пріѣзжали за 800 верстъ крестьяне только проститься съ владыкою. Вся епархія о немъ плакала, да и правду сказать: едвали Томская епархія увидитъ подобнаго архипастыря.

На сырной недѣлѣ, мы уложили въ дорогу всѣ его книги, вышло 145 пудовъ вѣса. Въ одинъ вечеръ, замѣтивъ его очень грустнымъ, я спросилъ: «владыка святый! о чемъ ты очень скорбишь, или ѣхать тебѣ неохота»? Онъ мнѣ отвѣтилъ: » отецъ Парѳеній! скорблю потому, что ѣхать не на что, денегъ нѣтъ, а просить взаймы у мірскихъ не хочется и дѣло съ ними такое заводить мнѣ не совсѣмъ прилично». Я сказалъ:

«какъ денегъ у тебя нѣтъ? ты получилъ на 12 лошадей прогоны: неужели этихъ денегъ тебѣ недостанетъ»? Онъ сказалъ: «уже ихъ нѣтъ ни копѣйки, всѣ раздалъ. Да какъ же не дать, каждый идетъ прощаться: кому рубль сер., другому два, иному три, инымъ по пяти и даже по десяти руб. давалъ; вотъ всѣ и роздалъ и ѣхать не съ чѣмъ». Я посовѣтовалъ владыкѣ обратиться къ эконому архіерейскаго дома, человѣку честному но скупому.

Экономъ почелъ за счастіе дать владыкѣ заимообразно 500 руб. сер. Первую недѣлю поста владыка говѣлъ и потомъ совершилъ обрядъ православія по уставу, хотя нѣкоторымъ это и не очень понравилось. Подъ 2-е воскресенье самъ служилъ всенощную, какъ бывало прежде, все плакалъ и въ другихъ возбуждалъ слезы. Послѣ всенощной пригласилъ меня съ экономомъ ужинать. Какъ только вошли, онъ встрѣчаетъ насъ словами: «подите друзья мои, подите мои собесѣдники: послѣдній разъ поужинаемъ вмѣстѣ, уже завтра вечеромъ не будемъ вмѣстѣ;» такія его слова паче огненныхъ стрѣлъ пронзили меня, я упалъ на землю и горько зарыдалъ, такъ что онъ едва могъ меня успокоить. Сѣли за столъ, но только посмотрѣли на кушанье а ѣсть никто не могъ. Послѣ ужина онъ остался со мною однимъ и долго мы бесѣдовали.

Между прочимъ я объявилъ ему, что, не желая оставаться послѣ него въ Томскѣ, я уже подалъ прошеніе московскому митрополиту Филарету о принятіи меня въ скитъ Геѳсиманію, и прибавилъ, что только надежда на это меня и поддерживаетъ, а то разлука съ тобой для меня была бы убійственная; ибо послѣ тебя я остался бы въ рукахъ враговъ моихъ, которые всегда готовы растерзать меня странника. Владыка подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за голову, омочилъ слезами и сказалъ: «утѣшилъ ты меня, утѣшилъ, сказавши, что подалъ прошеніе московскому Митрополиту; дай тебѣ Богъ

получить желаемое; благодарю тебя за то, что много ты меня утѣшалъ въ эти 7 лѣтъ, скоро они съ тобою протекли; а наипаче въ скорбяхъ, которыя постигли меня твои бесѣды приносили мнѣ утѣшеніе; ты самъ видѣлъ, что я не могъ безъ тебя быть одного часа; можетъ быть, иногда и докучалъ тебѣ, за что прости меня; я тебя имѣлъ не какъ келейника или послушника, но какъ друга, собесѣдника и сожителя». Дѣйствительно, истинно дружески онъ со мною обращался; бывало захвораешь, онъ безпрестанно меня посѣщаетъ, за мною ухаживаетъ; также когда самъ сдѣлается нездоровъ, сей часъ за мной посылаетъ, и мы съ нимъ въ спальнѣ по нѣскольку часовъ провождали въ бесѣдахъ.

Бесѣда наша на этотъ разъ продолжалась до втораго часа за полночь. По утру въ воскресенье 2-е поста, 7-го марта владыка служилъ въ соборѣ; народу было столько, что невмѣстилъ соборъ; всѣ думали, что владыка будетъ говорить прощальную проповѣдь. Но владыка хотя и говорилъ проповѣдь болѣе часа, но о выѣздѣ и не упомянулъ, а говорилъ всё духовно-нравственныя наставленія, и этимъ еще больше опечалилъ народъ; всѣ неутѣшно плакали и говорили: «это послѣднее твое намъ наставленіе; пришло время, что затворятся для насъ твои паче меда сладкія уста; какъ бы наша воля была, никогда бы мы тебя не выпустили изъ Томска». По окончаніи литургіи, пошелъ изъ собора, и всѣ съ великимъ рыданіемъ толпились принять его благословеніе.

Пріѣхавъ домой, онъ приказалъ скорѣй собирать обѣдъ посреди зала. Обѣдало съ нимъ 5 человѣкъ и въ числѣ ихъ я; владыка ничего немогъ ѣсть, и весь обѣдъ проплакалъ.

Въ половинѣ обѣда ударили въ большіе колокола въ соборѣ, въ монастырѣ и въ домовой, — это значило, что наступило время проводовъ Архипастыря. Мы еще не вышли изъ за-стола, а уже полна церковь народу, и полонъ монастырь

экипажей. Владыка послалъ купить два фунта серебряныхъ крестиковъ для раздачи на благословеніе. Потомъ вышли изъ-за стола, и помолившись Богу, начали выносить и укладывать всѣ его вещи. За тѣмъ отворили двери въ церковь и какъ онъ вошелъ, народъ весь зарыдалъ громко; приложившись къ престолу Господню и ко всѣмъ иконамъ, вышелъ вонъ; народъ бросился подъ благословеніе, и онъ каждаго благословлялъ и давалъ каждому по серебряному крестику на шею, и едва могъ выбраться на дворъ. Потомъ пѣшій дошелъ до монастырской соборной церкви. Взойдя, приложился къ престоламъ и иконамъ. Вышедши, сѣлъ въ карету и поѣхалъ въ соборъ; тамъ собралось все духовенство и всѣ граждане. Отслужили молебенъ въ путь шествующимъ; послѣ молебна сказалъ прощальную рѣчь, въ которой выразилъ свою любовь къ томской паствѣ и великую скорбь о разлукѣ съ нею, и просилъ у всѣхъ прощенія. Потомъ сказалъ: «здѣсь я прощаюсь со всѣми живыми моими духовными чадами и друзьями; а потомъ пойду къ Вознесенію на кладбищѣ, тамъ прощусь съ умершими моими чадами и друзьями.» Плачъ былъ очень великій, даже священники и діаконы плакали въ голосъ; протодіаконъ едва могъ говорить ектеніи. — За тѣмъ начался крестный ходъ къ кладбищенской церкви за городъ: впереди несли хоругви, за ними шли пѣвчіе и пѣли догматики Богородичны всѣхъ гласовъ; потомъ шли діаконы по два въ рядъ, потомъ священники по два въ рядъ, за ними протоіереи, два архимандрита,—всѣ въ облаченіи, а сзади идетъ Владыка и всѣхъ благословляетъ. По обѣ стороны отъ самаго собора до кладбища, версты на три, какъ двѣ стѣны, стоялъ народъ и всѣ слезно плакали; всѣ жители Томска съ женами и дѣтьми вышли проститься со своимъ любимымъ Архипастыремъ и принять отъ него послѣднее благословеніе. Сколько ни видѣлъ я въ Томскѣ крест-

ныхъ ходовъ и встрѣчъ чудотворныхъ иконъ, но подобнаго не было, хотя и зимой это было; но если бы это случилось лѣтомъ, то до села Семилужнаго, за 30 верстъ, всѣ бы пошли пѣшіе нашего батюшку провожать. Сзади шли тысячи народа и ѣхали сотни экипажей. Пришедши на кладбище, владыка въ церкви отслужилъ большую панихиду и обошелъ кругомъ церковь съ литіей и кадиломъ; и такъ простился съ живыми и умершими. На кладбищѣ было снѣгу аршина на два, толпы народа весь его примяли какъ на улицѣ, по поясъ увязали въ снѣгу, тѣснясь около владыки, чтобы хотъ еще разъ взглянуть на него и принять послѣднее отъ него благословеніе; отъ простаго народа не отставали въ усердіи дворянство и купечество. Потомъ нашъ батюшка сѣлъ въ свою повозку и поѣхалъ какъ частный человѣкъ на одной тройкѣ, взявъ съ собою одного діакона, пожелавшаго поклониться святителю Иннокентію; діакона посадилъ съ собой въ повозку. По дорогѣ еще верстъ на пять стоялъ народъ въ полѣ, желали хотя разъ взглянуть на владыку и принять благословеніе. Но дворяне и купцы, до 50 человѣкъ, провожали владыку до первой станціи, въ селѣ Семилужномъ, и здѣсь изготовили богатый обѣдъ. Но владыка не принялъ угощенія, не желая продлить горести разлуки, и окончательно простившись съ провожавшими, сѣлъ въ свою повозку и полетѣлъ далѣе. Въ 7 дней доѣхалъ до Иркутска, и по дорогѣ остановился только въ селѣ Красной Рѣчкѣ, чтобы посѣтить раба Божія пустынножителя Ѳедора Кузьмича, жившаго у крестьянина Латышева на пасѣкѣ.

Въ одинъ изъ объѣздовъ по Томской епархіи, преосвященный Аѳанасій, близъ Зміегорскаго рудника, заѣхалъ въ деревню, которая стояла близь рѣки. Жители среди деревни приготовили мѣсто для отслуженія молебна и освященія воды, и встрѣтивъ его начали говорить ему: что

рѣка, на которой стоитъ деревня, подмываетъ берегъ такъ, что скоро всю деревню подмоетъ, а переселиться некуда, потому что окружены не проходимыми горами. Владыка приказалъ съ рѣки принести песку, покропилъ его святою водою и благословилъ трижды; потомъ приказалъ высыпать на то мѣсто, гдѣ рѣка подмываетъ и гдѣ болѣе опасно для деревни. Жители все сдѣлали по приказанію его. Что же,— мнѣ сказывали послѣ, уже въ Гуслицкомъ монастырѣ, проходившіе въ Кіевъ крестьяне этой деревни,— на томъ мѣстѣ, гдѣ высыпали песокъ, образовался островъ и уже выросла роща, которую прозвали Аѳанасьевой рощей.

Въ одномъ селѣ владыка служилъ по обычаю всенощную и литургію; къ литургіи, по его приказанію, принесены были дѣти для причащенія. Но какъ дѣти деревенскія къ этому не пріучены, то всю обѣдню кричали, такъ что почти не слышно было и пѣнія. Послѣ причастія владыка вышелъ говорить проповѣдь; но дѣти все не унимались. Владыка сказалъ: «дѣти! вы кричали, мы слушали; а теперь замолчите, я буду говорить». Что-же? дѣти замолчали, онъ говорилъ около часа и въ это время ни одинъ ребенокъ не вскрикнулъ, такъ что всѣ удивились.

Въ 1856 году перевели владыку изъ Иркутска въ Казань и вызвали въ святѣйшій Синодъ присутствовать. На пути заѣзжалъ въ родной городъ Буй и въ Свято-Троице-Сергіеву Лавру и пожелалъ видѣть меня въ Москвѣ; за мною послали нарочнаго въ Бирлюковскую пустынь, гдѣ я тогда былъ настоятелемъ. Это было на первой недѣлѣ поста въ пятницу, и я немедленно отправился въ Москву. Свиданіе наше было на Саввинскомъ подворьѣ, чрезъ три года разлуки,— мы обнялись и плакали. По утру въ субботу мы ѣздили въ каретѣ на Преображенское и Рогожское кладбища, присоединившіяся къ

единовѣрію; потомъ простившись, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, а я въ свой монастырь.

1857 года былъ я вызванъ въ Петербургъ и прожилъ здѣсь на Псковскомъ подворьѣ у преосвященнаго Аѳанасія шесть недѣль; все это время наслаждался его бесѣдою, и ежедневно ѣздилъ въ его каретѣ по Петербургу.

Въ 1859 году проѣздомъ изъ Петербурга въ Казань, преосвященный Аѳанасій прибылъ въ Москву. Здѣсь узнавши, что митрополитъ уѣхалъ къ намъ въ Гуслицкій монастырь для освященія церкви и монастыря и закладки собора, съ купцомъ Сапелкинымъ,—преосвященный Аѳанасій отправился къ намъ и прибылъ 24 мая въ 6 часовъ утра; опять увидавшись, мы обнялись и долго оба плакали. Въ этотъ день митрополитъ освятилъ Успенскую церковь; а преосвященный Аѳанасій стоялъ въ олтарѣ; обѣдали всѣ въ трапезѣ; 25 числа Аѳанасій въ новоосвященной церкви служилъ литургію, а митрополитъ стоялъ въ олтарѣ. Послѣ литургіи и митрополитъ облачился въ полное облаченіе и съ крестнымъ ходомъ оба заложили большую церковь во имя Христа Спасителя Нерукотвореннаго Его образа. Два угла заложилъ митрополитъ, а два архіепископъ Аѳанасій. Потомъ вышли на средину монастырскаго двора, гдѣ было совершено освященіе монастыря; и по молитвѣ колѣнопреклонной, обошли кругомъ монастыря, освятили ограду и тѣмъ закончили торжество. Владыки обѣдали въ келліи. Послѣ обѣда владыки и все духовенство отправились въ Павловскій посадъ, гдѣ оба за всенощнымъ бдѣніемъ выходили на литію и на величаніе. 26 числа мая также вмѣстѣ совершали литургію, а послѣ литургіи предъ Престоломъ простились, поклонившись другъ другу до земли и поцѣловавшись во уста,—простились на вѣки. Теперь уже оба отошли въ другой міръ. И я тутъ же въ церкви простился на вѣки съ преосв. Аѳанасіемъ, и поспѣшилъ за митро-

политомъ, который со всѣмъ духовенствомъ отправился за 8 верстъ въ деревню Мерю закладывать каменную церковь.

Скажу въ дополненіе, что эту статью въ рукописи самъ владыка Аѳанасій читалъ въ Петербургѣ въ 1858 году,—ему давалъ оберъ-прокуроръ графъ Александръ Петровичъ Толстой, у котораго была копія этой рукописи; а въ 1859 году, бывши у насъ въ обители, преосвященный Аѳанасій мнѣ сказалъ: зачѣмъ ты описалъ мою жизнь? я все прочиталъ. Я отвѣтилъ: «для славы Божіей, только вѣрно ли написалъ, не нануталъ ли чего». Онъ сказалъ: «вѣрно-то вѣрно, только прошу тебя, при жизни моей этого не печатай.»

Спасо-Преображенскаго Гуслицкаго монастыря игумень

Парѳеній.
